

В. Б. Окороков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

НЕОПОСТМОДЕРНЫЙ ТОПОС МЫСЛИ А. БАДЬЮ

Исследовано предметное поле (топос) неософистической конструкции философии А. Бадью.*Ключевые слова:* софистический, дискурс, родовая мысль, дискурсивная практика, истина.

Очень редко в европейской философской традиции рождались мыслители, которые не только создавали новое направление в философской культуре, но и формировали новый дискурс, задавали парадигмальные принципы бытия языка. Современная философия не является исключением. В эпоху всеобщего нигилизма и полного недоверия к слову создать что-то оригинальное и стоящее над традицией оказалось очень непросто. Один из тех, кто сумел задать новую парадигму современной философии, и был французский мыслитель А. Бадью. И хотя его идеи формируют самую последнюю постмодерную (даже уже неопостмодерную) философию, т. е. его можно считать нашим современником, у него уже сложилось немало преемников и последователей. Среди них можно отметить Д. Бенсаида, С. Жижека, Ж. Рансьера, А. Тоскано, П. Холлварда, Н. Хьюлет и др.

При анализе современной культуры можно указать на то, что к концу XX в. в европейском духовном пространстве возникли два пути разрешения сложных проблем современной культуры: 1) посредством реконструкции классических философских концепций европейской мысли и 2) посредством формирования новых методологических подходов. Второй путь, несмотря на большие ожидания, так и не дал ощутимых результатов.

На первом пути разрешились некоторые трудности. Однако не удалось понять, возможно ли в принципе в рамках какой бы то ни было культуры уйти от проблем софизма и релятивизма? Точнее, в более отвлеченном смысле, нужно подумать о том, – возможно ли создать механизмы фиксации мысли, то есть остановить мысль, зафиксировать ее в понятиях, или мысль всегда трансцендирует (просачивается) за любые границы, и любые медитационные механизмы лишь относительны (и в этом смысле фундаментальное свойство мышления состоит в том, что мысль остановить нельзя).

Наиболее ярким представителем первого пути развития европейской философии является французский мыслитель А. Бадью, творчество которого, составляя часть постмодерной культуры, раскрыло новые возможности классического мышления. Появление такого рода мыслителя стало философским свидетельством того, что эпоха постмодерной культуры, возвестившей появление нового софизма и заведшей философию в тупики релятивизма, заканчивается.

После того как Жан-Франсуа Лиотар в своем сочинении «Состояние постмодерна» раскрыл основные черты современной культуры, назвав ее постмодерным состоянием, а другой французский мыслитель Жак Деррида выразил основные идеи этой культуры в своих программных работах «Письмо и различие» и «О грамматологии», возникла насущная необходимость осмыслить это новое состояние философской мысли и соответствующую ему постмодерную эпоху становления культуры. Ж. Деррида – представитель второго пути – подверг деконструктивному рассмотрению всю предшествующую философскую традицию (используя предложенный им новый метод работы с традицией – деконструкцию, ориентированную, преимущественно,

на «разборку» и «сборку» текстов предшествующей классической культуры). На таком пути он разобрал культуру на множество метафизических фрагментов (ведь выявление метафизических оснований или метафор, так называемых логоцентризм, и есть главная цель деконструкции). Однако получив огромный массив беспочвенной (безосновной) философской информации, или неприспособленный к рефлексии материал, справиться с ним не сумел. Он научил современников своеобразной игре с текстами, игре в «присутствие» и «отсутствие» (точнее, поиск) в текстах предшествующей культуры онтологических оснований. Деконструкция в таком нигилистическом (и односторонне софистическом) толковании превратилась, скорее, в бесконечную установку по разборке текстов и, соответственно, всей предшествующей культуры как системы текстов (или, как выразился в начале XX в. немецкий писатель Г. Гессе, «игру в бисер» – бесконечную разборку и перетолкование знаний и текстов), нежели в какой-то позитивный механизм созидания новой философии. Связав с именем Ж. Деррида всю постмодерную культуру, некоторые из современных философов поспешили прочитать ее установку как «инфантильные игры разума» и поставить на ней клеймо «беспочвенности».

Образ деконструктивной культуры (или эпохи переосмыслений и «концов любых мыслительных проектов») прекрасно дополняет еще один французский мыслитель, оригинальный представитель постмодерного направления Жан Бодрийяр, который в своих работах «Система вещей», «Общество потребления», «Символический обмен и смерть» и др. раскрывает сущность современного общества (называя его обществом потребления). Он фиксирует состояние постмодерной культуры как некую псевдо-иллюзию реальности (псевдо-реальность), или состояние бытия симуляционного общества, живущего (по законам компьютерных игр-технологий) в мире «виртуальных» измерений (в мире «поддельной» культуры), опирающейся на несобственное существование. Это позволило ему раскрыть сущность постмодерного сдвига культуры, в котором осуществляется трансформация (если не перевертывание) основных ценностей: реальные ценности (например, этические и экологические) отходят на второй план, а симуляционные – отстраняют (заслоняют) реальные ценности и саму реальность. Новое массовое общество как будто погружается в мир сновидений (превращаясь в зомбированную симуляционную систему), растворяется в мире компьютерных технологий и поддельных симулякров.

Глобальная безответственность современного общества, возведшего на вершину ценностей капитал и другие симулякры, собственно, и становится предметом рассмотрения французских мыслителей. Ближе к концу XX в. становится очевидным, что постмодерная культура завела современную философию в тупики релятивизма и привела к кризисному состоянию. Уже сложившись к этому времени модели «заката» (метафизики, онтологии, истории, культуры в целом, по типу «заката Европы»

О. Шпенглера), фактически, показали, что ориентация на старые классические формы понимания культуры и общества уже не дает продуктивных результатов для их развития и ведет к кризису, так как они ориентированы на относительно устойчивые модели развития общества (которые показаны в теориях Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, К. Маркса и др.).

Однако за два последних тысячелетия культура и общество столь значительно изменились, что старые схемы их интерпретации уже не срабатывают, а попытки определить «постмодерное состояние» культуры привели только к констатации самого факта ее «быстрого изменения», зафиксированного методологией «*differance*» (различия или различения), предложенной Ж. Деррида (в уже упомянутой работе «Письмо и различие») и Ж. Делезом (в работе 1969 г. «Различие и повторение»). Однако в таком виде закрытой для аналитики оказалась сама сущность этих изменений. Готовых схем понимания происходящих процессов не оказалось. С другой стороны, стало очевидным, что постмодернистский проект, направленный на всеобщее «различение» и деконструкцию, к началу XXI в. исчерпал себя. Под деконструктивную установку попала и сама деконструкция, а вместе с тем, с одной стороны, появилось понимание бессмысленности процесса бесконечной деконструкции, а с другой – возникли новые попытки преодоления симуляционности и софистичности современной культуры и понимания сущности современной философии.

Одной из наиболее интересных попыток преодоления современной массовой культуры явилась ее критика французским мыслителем А. Бадью. Но в лице этого философа необходимо говорить не просто о новой постмодерной критике деконструктивных процессов, а о постструктуралистской реакции на постмодерную традицию и ее установки.

С учетом того, что важнейшая цель французского философа была связана с преодолением постмодерного состояния современной культуры, его «фигуру» можно назвать «образцом» софистического мыслителя, который, с одной стороны, явился типичным представителем постмодерного типа философствования, а с другой – философом, приложившим значительные усилия для того, чтобы преодолеть негативные последствия постмодерного мышления.

В целом понять принадлежность А. Бадью к тому или иному философскому направлению весьма проблематично. Если проект философии, начинающийся феноменологией Э. Гуссерля, можно назвать философией сознания, то в такой же степени учение А. Бадью можно назвать философией мысли, точнее, теорией, которая разъясняет нарушение спокойного хода течения мысли (по меткому выражению Платона и Шекспира, «сон мысли»). По мнению французского мыслителя, такое «состояние мысли» является возможным только в том случае, если она попадает в определенную парадоксальную ситуацию, в которой до предела обостряется восприятие действительности. Только в таком критическом состоянии, названном А. Бадью родовой процедурой, инициируется процесс рождения философии, или точнее, ситуация разрыва мысли и действительности. Более того, детальный анализ происхождения европейской философии в античности приводит А. Бадью к мысли, что там были созданы именно те же самые условия, которые были обнаружены им при исследовании современной культуры.

В таком (философском) состоянии мысль не просто отражает какие-либо процессы действительности (как это было в классической философии или феноменологии), а, наоборот, попадает в некоторое парадоксальное состояние, отрывающее ее от действительности и рождающее «событие мысли», которое А. Бадью называет рождением истины. В таком смысле С. Жижек указывает на радикальное отличие концепции французского мыслителя от модерной философии, ориентированной на вечные истины. В этом же смысле другой французский философ XX в. Ж. Делез формирует представления о повторении и различии (мысли). По его мнению, знания, как и любая техника, основаны не на истине, а на повторении. Однако любой постмодернистский проект опирается, прежде всего, на различие, то есть вводит мысль в такую область ее бытия, где «царствует» не повторение, а различие. Но А. Бадью, стремясь преодолеть постмодернистский дискурс, понимает различие принципиально иначе: различие в его учении появляется там, где онтологическое проявление мысли совпадает с математическим (в этом смысле он и считает своим учителем Платона).

Анализируя радикальные периоды преобразования философской мысли и культуры, А. Бадью характеризует их как периоды проявления деконструкции. По его мнению, христианская мысль деконструировала античную и превратила ее в теологическую; рациональная мысль деконструировала схоластическую и превратила ее в позитивную.

Современная деконструкция связана с радикальной сменой традиционного дискурса. Но поскольку деконструкция – это работа мысли над текстом (письмом), то и выводы А. Бадью делает неутешительные: от разрушительного влияния деконструирующей мысли не удалось ускользнуть ни одному проекту философии и культуры.

В конечном счете, предметом рассмотрения стала и сама деконструирующая мысль. Деконструктивный круг замкнулся. Мысль, подвергшаяся обработке всю предшествующую культуру, остановилась на изучении (точнее, деконструкции или разборке) самой себя и столкнулась с неизбежными трудностями герменевтического порядка. Ведь можно разрушить традиционную мысль, но нельзя остановить сам мыслительный процесс. Именно в этом топосе (месте или котле) постмодерная культура столкнулась с предельной областью (границей кипения) своего существования. В этом месте деконструкция себя исчерпала. В этом пункте перестает работать даже философия мысли. Необходимо был новый источник инициации философской мысли. В противном случае мы возвращаемся к уже провозглашенному постмодерному «концу философии».

Вот почему, по мнению А. Бадью, перед нами встает следующий вопрос: существует ли современный период философии? Сегодня, считает он, острота этого вопроса связана с тем, что заявляет большинство философов: с одной стороны, такой период (существования современной философии) действительно существует, а с другой – мы современники его завершения. Именно таков смысл выражения «постмодерн», но даже у тех, кто воздерживается от его употребления, постоянно присутствует тема «конца» философской современности (Bad'ju 2003, pp. 20–21) [1, с. 20–21].

В силу такой необычной ситуации, в которой оказалась современная философия, А. Бадью разрабатывает проект нового понимания философии. В этом подходе

он придерживается разработанной раньше концепции Ж. Делеза: философия в концептуальной форме может существовать лишь тогда, когда она связывает проблему выбора (в принятии решения) с проблемой дистанции (существованием в промежутке) и с проблемой исключительности (находится в связи с определенным событием). По мнению А. Бадью, имеются только четыре условия существования философии в таком смысле (применительно к человеческой мысли – это любовь, наука, искусство и политика). Но именно при этих четырех условия философия попадает в то место, где разворачивается событие истины. Философия существует лишь там, где раскрываются истины; но сама по себе она их не создает. В таком случае становится понятной и мысль А. Бадью о том, что сформированное в классической культуре разделение философии на этику, эстетику, психологию, эпистемологию и политическую науку является незаконным.

И хотя сам А. Бадью является постмодерным философом, он называет представителей этого направления «новыми софистами» за их релятивистское истолкование истины (в том смысле, что истин нет, а есть лишь высказывание об истине).

Для обозначения строгих конкретных условий существования философии А. Бадью использует четыре основных философских концепта: бытие, событие, истина и субъект.

В процессе постмодерного деконструирования культуры был утрачен сам предмет философии. Поэтому важнейшей задачей философского проекта А. Бадью становится поиск утраченного предмета, который осуществляется в соответствии с требованиями античной культуры, иными словами, поиск возможности бытия для мысли и истины бытия. Бытие, по его мнению, принципиально множественно, поэтому и проект французского мыслителя является философией множественности бытия истины.

А. Бадью понимает, что всякая философия, которая стремится покончить с софизмом и релятивизмом, губит себя, так как лишается почвы, на которой рождается множественность. Поэтому А. Бадью так пытается сформулировать сущность софизма, чтобы не утратить онтологию множественности. Но в этом месте взгляды софистов и А. Бадью расходятся.

В работе «Манифест философии» А. Бадью приходит к выводу, что имеется лишь четыре условия существования философии, причем изъят хотя бы в одном из них ведет к ее рассеиванию (исчезновению), точно так же как их совокупное появление обуславливает ее возникновение. Эти условия есть матема (опора на математику), поэма, политическое изобретение и любовь. Мы называем их родовыми процедурами, – поясняет он в «Манифесте философии» (Bad'ju 2003, pp. 15–16) [1, с. 15–16]. Чуть далее он утверждает, что если препоручить все мышление одной родовой процедуре, то она свершается (формируется) в стихии своего собственного подавления в пользу этой процедуры. Подобный тип ситуации называется швом (Bad'ju 2003, p. 34) [1, с. 34]. Точнее говоря, если философия пребывает только в области проявления лишь одной родовой процедуры, она развивается лишь в области существования этой процедуры. Но поскольку она в этом случае становится пограничной с другими дискурсивными практиками (в частности, математической, поэтической, политической или любовной), то такого рода «пришивание» философии к этим практикам А. Бадью называет «швом».

Исходя из такого толкования сущности философии, А. Бадью считает, что девятнадцатый век (от Гегеля до Ницше) преимущественно находился во власти швов. Главным из них является позитивистский. Марксизм, с его точки зрения, скрестил два шва: политический и научный. И М. Хайдеггер, считает А. Бадью, писал о наличии двух главных швов, спастись от которых мышление может, лишь от них отделившись: с одной стороны, научный шов, который философия реализует в технике, с другой – поэтический (Bad'ju 2003, pp. 37–39) [1, с. 37–39].

По мнению французского мыслителя, философия, прислуживающая в Западной Европе науке, а в Восточной – политике, попыталась услужить еще и поэзии. Оказавшись в положении слуги трех господ, она к тому же может стать слугой еще одного условия – любви (Bad'ju 2003, p. 39) [1, с. 39]. В такой ситуации самый важный жест современной философии, считает А. Бадью, снятие всех швов, и главная проблема – снять шов литературно-поэтический, начало которому положил Ницше. Позитивистский шов и шов догматического марксизма уже сняты (Bad'ju 2003, p. 39) [1, с. 39].

Таким образом, деконструкция обнаружила методологические условия «заката (разрушения) философии», так как обнаружили все швы или сущностные опоры философии.

В определенном смысле философия, привязанная одновременно к четырем швам (математическому, научному, политическому и любовному), согласно представлениям А. Бадью, начинает формироваться, но с другой стороны, если внимательно осмотреть «топос» философии французского мыслителя, то можно понять, что философия, собственно, не является самостоятельной областью мышления, – она всегда пришта к одному или нескольким швам. В таком аспекте совершенно не ясно, можно ли на основании несофистических установок А. Бадью спасти философию от «заката».

Ведь если считать процесс «производства истин» родовыми процедурами, то в таком контексте философия пришивается даже не к областям знания, а к архетипическим исторически сложившимся формам бытия человеческой мысли. В этом случае дело даже не в истинах, которые пытается реанимировать А. Бадью, а в родовых практиках, которые создают эффект воздействия коллективного бессознательного на мысль и тем самым иницируют ее (мысли) особый топос. Тогда у философии появляются перспективы, ведь мысль никогда не сможет избавиться от своего прошлого и всегда находится в сфере бытия «родовых начал».

Если же исходить чисто из дисциплинарных посылок формирования истины, то в этом случае философия может оказаться перед очередной дикурсивной практикой формирования множественности: если предпосылок больше, чем четыре, то этот путь лишь ведет к многочисленным пришиваниям философии уже не к родовым, а дисциплинарным практикам. И в таком случае софизма избежать не удастся. Это путь в неизвестность, который и стремился избежать А. Бадью. Он ничем не отличается от других предпосылок современного софизма. Философия, лишенная «родовой» истории, исчезнет в «океане» знания и вынуждена будет сойти со сцены.

Библиографические ссылки

1. Бадью А. Манифест философии / А. Бадью. – СПб. : Machina, 2003. – 184 с.

Окорок В. Б. Неопостмодерний топос думки А. Бадью
 Досліджено предметне поле (топос) неософістичної
 конструкції філософії А. Бадью.

Ключові слова: софістичний, дискурс, родова думка,
 дискурсивна практика, істина.

**Okorokov V. B. Topos of neopostmodern thought of
 A. Badiou's**

A. Badiou's occurrence became the philosophical certificate,
 that the epoch of the postmodern culture, announced occurrence
 of a new sophism and got philosophy in deadlocks на relativity,
 comes to an end.

If the project of philosophy, which begins with E. Gusserl's
 phenomenology, is possible to name philosophy of consciousness,
 it is possible to name A. Badiou's doctrine as philosophy of
 thought, more precisely, the theory, which explains breaking of
 a quiet course of a current of thought.

The modern deconstruction is connected with radical change
 of a traditional discourse. But as the deconstruction is a work
 of thought over text (letter) also A. Badiou's conclusion isn't
 consolatory: deconstructional thought has destructive influence
 to any project of philosophy and culture.

However the philosophy exists only there where trues reveal;
 but in itself she doesn't create them. A. Badiou's thought becomes
 clear: the partitioning of philosophy, generated in classical
 culture, into ethics, an aesthetics, psychology, epistemology and
 a political science is illicit.

In work «The Manifest of philosophy» A. Badiou comes
 to a conclusion that is available only four living conditions of
 philosophy, and defect in one of them leads to its dispersion
 (disappearance), in the same way as their cumulative occurrence
 causes its occurrence.

The deconstruction has found out methodological conditions
 of «a decline (destruction) of philosophy», as all seams or
 intrinsic beginnings of philosophy were found out.

In a sense the philosophy, adhered simultaneously to four
 УДК 364.277

seams (mathematical, scientific, political and love), it agree
 A. Badiou 's representations, starts to be formed, but on the
 other hand if attentively to examine «topos» of philosophy of the
 french thinker, it is possible to understand that the philosophy,
 actually, isn't independent area of thinking, – It is always sewn
 to one or several seams. In such aspect absolutely not clearly,
 whether it is possible on the basis of A. Badiou 's neosophistical
 installations to rescue philosophy from «decline».

If process «manufactures of trues» consider as patrimonial
 procedures, in such context the philosophy isn't sewn to
 knowledge areas, it is sewn to archetypical and historically
 forms of being of human thought. In this case it is important
 to understand, that the basic of theory isn't in trues which
 A. Badiou tries to reanimate, basic of theory is patrimonial
 experts which create effect of influence collective unconscious
 on thought and initiate its (thoughts) special topos. In that case
 the philosophy has prospects, as the thought is in sphere of being
 of «the patrimonial beginnings».

If it is radiate from disciplinary requirements of formation of
 true, in this case the philosophy can appear before next discourse
 practice of formation of plurality: if preconditions is more
 than four, this way leads to numerous sewings of philosophy
 to disciplinary practices. But in that case it will not be possible
 to avoid a sophism. It is a way to uncertainty which A. Badiou
 wanted to avoid. It differs nothing from other preconditions of
 a modern sophism. The philosophy, deprived of a «patrimonial»
 history, will be destroyed and will disappear at «ocean» of
 knowledge.

Keywords: sophistical, a discourse, patrimonial thought, practice
 of discourse, true.

References

1. Bad'ju, A 2003, 'Manifest filosofii' ['Manifest of
 philosophy'], Machina publ, Saint Petersburg.

Надійшла до редколегії 06.03.2013 р.

О. О. Осетрова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ФІЛОСОФСЬКІ ЗАСАДИ СОЦІАЛЬНОЇ РОБОТИ З ЛЮДЬМИ ГРУПИ СУЇЦИДАЛЬНОГО РИЗИКУ

Подано аналіз напрямів соціальної роботи з людьми групи суїцидального ризику. Висвітлено філософські засади цієї роботи.

Ключові слова: філософія, суїцид, суїцидальний, соціальна робота, соціальний працівник, соціальна допомога, суїцидологічна служба.

Актуальність зазначеної проблематики не підлягає
 сумніву, будучи зумовленою гострою суїцидальною
 ситуацією, що склалася як в Україні, так і в світі в цілому.
 Звернення до розгляду певних напрямів соціальної роботи
 з людьми, що належать до групи суїцидального ризику,
 виступає своєрідною відповіддю запитам сьогодення,
 сповненого кризових явищ світового масштабу в усіх
 сферах людської життєдіяльності. І людство, як мінімум
 на підсвідомому рівні, прагнучи вижити, але в реальності
 своїми діями прискорюючи власне самознищення,
 потребує усвідомлення того, що Життя – це найбільша
 цінність, це Дар (чи-то Бога, чи-то Природи), яким
 Людині не слід нехтувати.

Незважаючи на те, що людське існування часто
 супроводжується болісними процесами, розгортаючись
 у гнітючій атмосфері задухи, слід не тільки пам'ятати
 слова М. Г. Чернишевського: «Прекрасне є життя»,
 але, осягнувши їх смисл, керуватися ними у своїй
 життєдіяльності, перетворивши їх на власне
 життєве кредо. І соціальні працівники повинні стати
 провідниками конструктивних позицій існування,
 націлених на ствердження життя і, зокрема, на
 порятунок окремої людини, яка припинила бачити власні

перспективи майбутнього. Усвідомлення універсальності
 філософського підходу до вивчення суїцидальної
 проблематики та розгляд напрямів роботи соціальних
 працівників з людьми групи суїцидального ризику і
 складають основну мету даної статті, яка зумовила
 постановку наступних завдань:

- 1) окреслити ключові філософські засади суїцидальної
 проблематики;
- 2) з'ясувати роль соціального працівника у процесі
 впровадження засобів суїцидальної превенції;
- 3) зробити висновки.

Будучи істотою кінцевою, людина завжди прагнула
 вийти за свої межі, підкоряючи цьому прагненню і
 пошуки власного сенсу життя, які являють собою ніщо
 інше, як спроби віднайти себе у душі, бо людина – це
 не просте сполучення душі й тіла, а їх безпосередній
 синтез у Дусі. І знищення такого важливого складника
 людини, котрим є її тіло, в якому тільки й можливе
 тілесне існування, відразу порушує баланс і гармонію в
 світі, сповненому краси, яка, хоч і лежить на поверхні,
 але не завжди осягається людиною. Крім того, слід
 пам'ятати і про внутрішню, приховану красу, яку слід
 шукати і в таємницях світу, і в таємницях людської душі,